

Научная статья / Research Article

УДК 903.27:7.031.1

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-08)

EDN: PBQZHW

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК МАРКЕР ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ

Андрей Николаевич Телегин¹, Александр Васильевич Бекетов^{2*}

¹Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;
varvar100@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8430-7148>

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;
sasha.beketov.2004@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3720-1868>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье рассматривается вопрос о возможном использовании образов звериного стиля в изобразительном искусстве (татуированные изображения и украшения предметного комплекса погребений) пазырыкской археологической культуры Алтая в качестве маркеров, отражающих статус, занимаемый их владельцем в обществе носителей этой культуры. Источником базой исследования послужили 396 образов изобразительного искусства пазырыкской археологической культуры (татуировки, пластика, текстиль), отобранные в соответствии с возможностью интерпретации их принадлежности к конкретному погребенному. Делается вывод о том, что образы звериного стиля в татуированных изображениях и предметном комплексе украшений носителей пазырыкской археологической культуры могли маркировать принадлежность индивида к определенным социальным группам.

Ключевые слова: звериный стиль, курган, Пазырык, пазырыкская культура, семантика, статусный символ, татуировка, украшение

Для цитирования: Телегин А.Н., Бекетов А.В. Образы животных в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры как маркер половой принадлежности и социального статуса ее носителей // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 4. С. 138–158. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-08)

ANIMAL IMAGES IN THE VISUAL ARTS OF THE PAZYRYK ARCHAEOLOGICAL CULTURE AS A MARKER OF THE GENDER AND SOCIAL STATUS OF ITS BEARERS

Andrey N. Telegin¹, Alexander V. Beketov^{2*}

¹Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;
varvar100@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8430-7148>

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;
sasha.beketov.2004@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3720-1868>

*Corresponding Author

Abstract. The article discusses the possible use of animal-style images in the visual arts (tattooed images and jewelry) of the Pazyryk archaeological culture of Altai as status symbols — objects reflecting the status held by its owner in the society of bearers of this culture. The source base of the study was 396 images of fine art of the Pazyryk archaeological culture (tattoos, plastics, textiles), selected in accordance with the possibility of interpreting their belonging to a particular buried person. It is concluded that the images of the animal style in tattooed images and the object complex of jewelry of the bearers of the Pazyryk archaeological culture could mark an individual's belonging to certain social groups.

Keywords: animal style, kurgan, Pazyryk, Pazyryk culture, semantics, status symbol, tattoo, decoration

For citation: Telegin A.N., Beketov A.V. Animal Images in the Visual Arts of the Pazyryk Archaeological Culture as a Marker of the Gender and Social Status of Its Bearers. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(4):138–158. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(4).-08)

Bведение

Материалы погребений пазырыкской археологической культуры включают в себя уникальные образцы изобразительного искусства, обладающие колоссальным источниковым потенциалом, благодаря чему они уже более века привлекают неослабное внимание многих исследователей (Грязнов, 1950, с. 3–92; Руденко, 1953, с. 3–9; Полосьмак, 2001, с. 4–9).

Особый интерес в изучении пазырыкской культуры представляют уникальные по стилю исполнения и сохранности художественные образы звериного стиля, дошедшие до нас в виде татуированных изображений, мелкой пластики и образцов декоративно-прикладного искусства. Эти артефакты, без сомнения, принадлежат к числу наиболее информативно насыщенных источников по древней истории Алтая и со-пределльных территорий.

Изучением этих образцов скифо-сибирского звериного стиля в разное время занимались С.И. Руденко, Н.В. Полосьмак, П.П. Азбелев, Л.Л. Баркова, С.В. Панкова, В.И. Молодин, А.Н. Телегин, Н.Р. Дьяков, Л.С. Марсадолов и др. (Руденко, 1953, с. 402; Полосьмак, 2001, с. 4–308; Молодин и др., 2003, с. 286; Баркова, Панкова, 2006, с. 31–42; Азбелев, 2017, с. 51–60; Марсадолов, 2021, с. 265–273), но, несмотря на столь пристальное внимание, источниковый потенциал этих артефактов по-прежнему остается весьма внушительным. В полной мере это относится и к вопросам семантики женской и мужской татуировки.

Одним из первых опытов обращения к данной проблематике являются работы С.И. Руденко, в которых он впервые описал стилистические особенности образов животных в изобразительном искусстве пазырыкцев (Руденко, 1952, с. 138–189; 1953, с. 104–146, 272–326; 1960, с. 245–324; 1961, с. 31–39).

Отдельно стоит отметить вклад в изучение пазырыкского изобразительного искусства коллектива ученых Государственного Эрмитажа — С.В. Панковой и Л.Л. Барковой. Именно этими исследователями при обследовании тел мумий из второго и пятого пазырыкских курганов использовались методы инфракрасной съемки, что позволило выявить большое количество татуированных изображений, долгие годы скрытых от глаз исследователей (Баркова, Панкова, 2005, с. 48–59; 2006, с. 31–42).

Большой вклад в изучение образов звериного стиля в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры внесла Н.В. Полосьмак, которая в своих работах наряду с прочим отметила различия в стилистике татуированных образов животных на телах женских и мужских мумий (Полосьмак, 2000, с. 95–102).

Позже, обращаясь к этой проблематике, П.П. Азбелев в одной из своих работ отметил различия в стилистике, образах и расположении татуированных изображений у мужчин и женщин (Азбелев, 2017, с. 51–60).

Развивая эту тему, А.Н. Телегин и Н.Р. Дьяков выявили различия в локализации татуированных изображений животных на телах мужских и женских мумий. Обнаружив эти различия, они проследили взаимосвязь татуированных изображений животных с половой принадлежностью погребенных людей. В результате этих работ было установлено, что одни образы хорошо коррелируют с останками мужчин (рис. 1.-1-3), другие — с останками женщин (рис. 1.-4-6), а третья — с останками как мужчин, так и женщин (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Аналогичная работа была проделана ими и в отношении широкого спектра изображений в предметном наборе кожаных и войлочных аппликаций на покрышках и подвесках седел из погребений носителей пазырыкской археологической культуры, что подтвердило ранее сделанные выводы (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Указанные исследования затронули лишь один из аспектов семантики образов животных в изобразительном искусстве пазырыкской культуры, а именно вопрос о роли татуированных образов как вероятных маркеров гендерной принадлежности индивида. При этом до сих пор остается не вполне понятным предназначение данных художественных образов в жизни древних кочевников Алтая: соотношение их с социальной стратификацией, горизонтальными и вертикальными социальными связями внутри сообщества носителей пазырыкской археологической культуры, религиозными представлениями и духовной жизньюnomadov.

Не исключено, на наш взгляд, что художественные образы звериного стиля могли выполнять в пазырыкском социуме, кроме прочего, роль своеобразных статусных маркеров, т.е. внешних знаков отличия, указывающих на место их обладателей в социальной иерархии пазырыкцев.

Необходимость обращения к этой проблеме актуализируется введением относительно недавно в научный оборот большого корпуса источникового материала из неразграбленных рядовых погребений пазырыкской археологической культуры, обнаруженных в разное время Н.В. Полосьмак, В.И. Молодиным и другими археологами на юго-востоке российской части Горного Алтая (Ак-Алаха-1-5, Верх-Кальджин-1-2 и др.) (Молодин и др., 2003, с. 286).

Целью настоящего исследования является рассмотрение художественных образов животных в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры в качестве статусных маркеров в обществе ее носителей.

Материалы и методы

Методологической основой данной работы является совокупность традиционных методов анализа археологического материала, а также некоторых искусствоведческих

методов. Для анализа, классификации и типологизации предметов и образов нами использовался в основном типологический метод. Корреляцию образов звериного стиля авторы осуществляли на основе контекстного подхода. Выводы о вероятности использования образов звериного стиля как статусных символов в пазырыкском искусстве формулировались авторами статьи на основании междисциплинарного семантико-технологического подхода.

Источниковой базой исследования послужил предметный комплекс 25 погребений пазырыкской археологической культуры, обладающих контекстом, необходимым для рассмотрения особенностей использования образов звериного стиля в связи с принадлежностью погребенных к различным социальным группам (пол, возраст, род занятий и др.):

- 1) **Пазырык:** курганы № 2 и 5 (Руденко, 1953, с. 272–326);
- 2) **Уландрый-І:** курганы № 3, 7, 8, 12 и 14 (Кубарев, 1987, с. 155–167, 203–233);
- 3) **Уландрый-ІІ:** курганы № 2, 7, 9 и 12 (Кубарев, 1987, с. 168–176, 239–255);
- 4) **Уландрый-ІІІ:** курганы № 1, 3 и 4 (Кубарев, 1987, с. 177–181, 258–263);
- 5) **Уландрый-ІV:** курганы № 2 и 3 (Кубарев, 1987, с. 186–191, 272–279);
- 6) **Ташанта-І:** курган № 1 (Кубарев, 1987, с. 194–196, 285–287);
- 7) **Ташанта-ІІ:** курганы № 2, 3 и 4 (Кубарев, 1987, с. 189–202, 290–297);
- 8) **Ак-Алаха-1:** курган № 1 (Молодин и др., 2003, с. 17–21);
- 9) **Ак-Алаха-3:** курган № 1 (Молодин и др., 2003, с. 29–32);
- 10) **Ак-Алаха-5:** курган № 1 (Молодин и др., 2003 с. 42–45);
- 11) **Верх-Кальджин-1:** курган № 1 (Молодин и др., 2003, с. 32–33);
- 12) **Верх-Кальджин-2:** курган № 3 (Молодин и др., 2003, с. 33–42).

Всего к настоящему исследованию привлечено около 396 образов звериного стиля, представляющих собой как отдельные изображения животных (около 98%), так и полноценные сцены терзания хищникамикопытных животных (около 2%). Из 396 рассмотренных образов 41 (около 11%) представляли собой татуированные изображения на мумифицированных телах из погребений пазырыкской культуры (к.г. Пазырык — курганы № 2 и 5; к.г. Ак-Алаха-3, курган № 1; к.г. Верх-Кальджин-ІІ, курган № 3) (рис. 1) и 355 (около 89%) — изображения на одежде, предметах конской упряжи и погребального инвентаря (табл. 2–3).

Результаты

Татуированные изображения

Татуированные изображения животных на мумифицированных телах носителей пазырыкской археологической культуры представлены 41 образом.

Уже при первом знакомстве с ними нельзя не обратить внимание на очевидную корреляцию местоположения этих изображений на телах погребенных с их половой принадлежностью: у мужчин они встречаются на руках, на груди, на спине, на голенях и на ступнях, а у женщин — только на руках (рис. 1) (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

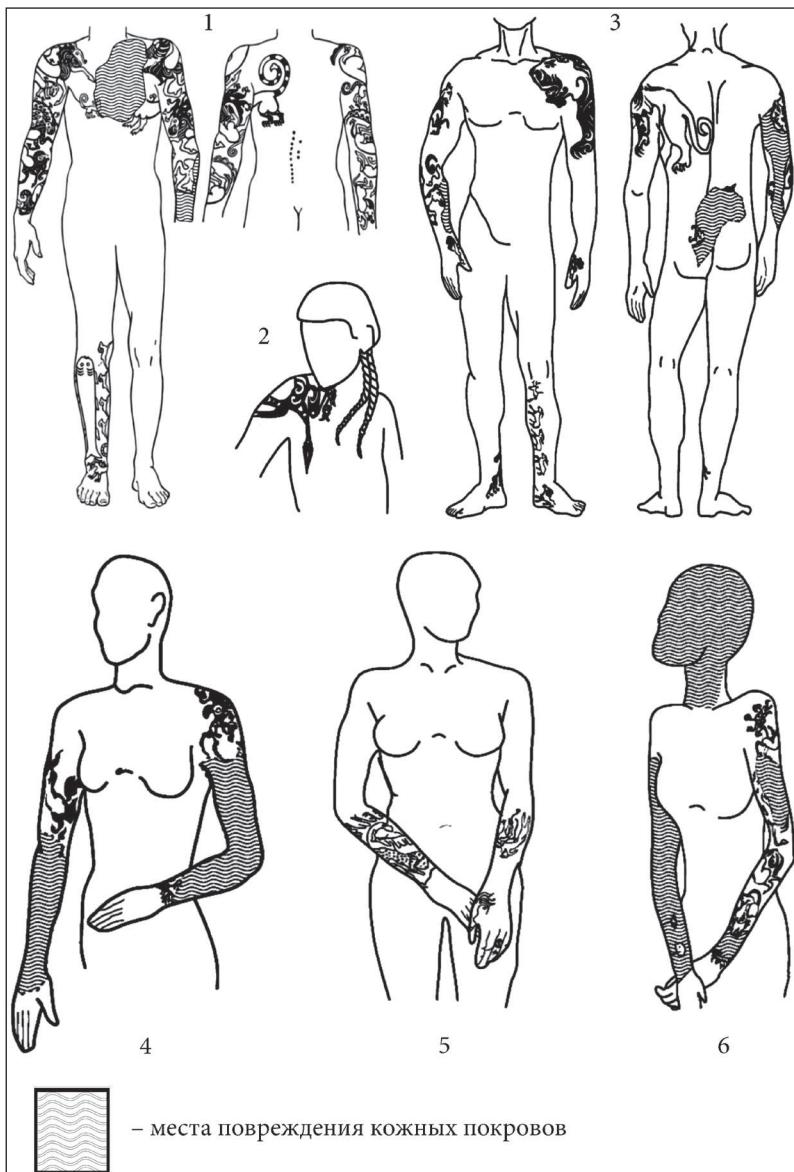

Рис. 1. Татуированные изображения на мумифицированных телах из погребений пазырыкской археологической культуры: 1 — мужская мумия из кургана № 2 курганной группы Пазырык; 2 — мужская мумия из кургана № 3 курганной группы Верх-Кальжин-II; 3 — мужская мумия из кургана № 5 курганной группы Пазырык; 4 — женская мумия из кургана № 2 курганной группы Пазырык; 5 — женская мумия из кургана № 5 курганной группы Пазырык; 6 — женская мумия из кургана № 1 курганного погребения Ак-Алаха-3

Fig. 1. Tattooed images on mummified bodies from the burials of the Pazyryk archaeological culture: 1 — men's mummy from barrow №2 of the Pazyryk burial group; 2 — men's mummy from barrow №3 of the Verkh-Kaljin-II barrow group; 3 — men's mummy from barrow №5 of the Pazyryk barrow group; 4 — woman's mummy from barrow №2 of the Pazyryk barrow group; 5 — woman's mummy from barrow №5 The Pazyryk burial group; 6 — woman's mummy from barrow №1 of the Ak-Alakha-3 burial mound

Столь заметная разница в покрытии татуированными изображениями мужских и женских тел может быть объяснена более сложной структурой социальной иерархии в мужском сообществе пазырыкцев, чем в женском, что, естественно, требовало и большего количества соответствующих знаков отличия. Во всяком случае, количество и локализация татуированных изображений на телах пазырыкских мумий этому предположению не противоречит. Подобные различия в системах татуирования мужчин и женщин в родоплеменном обществе хорошо прослеживаются в этнографических материалах, как это имело место, например, в традиционной татуировке чукчей (Лбова, Понкратова, Лебедева, 2022, с. 108–117).

Обращает на себя внимание и очевидная связь количества татуированных изображений и их локализации на телах погребенных с возрастной принадлежностью последних.

Особенно хорошо это прослеживается на материалах трех мумий мужчин, которые принадлежат к разным возрастным группам. Первая из них представлена телом юноши 18–20 лет из кургана № 3 погребения Верх-Кальдин-2 (Молодин и др., 2003, с. 33–42) (рис. 1.-2), вторая — телом мужчины зрелого возраста 40–55 лет из кургана № 5 погребения Пазырык (Руденко, 1953, с. 66) (рис. 1.-3), третья — телом старика 50–60 лет из кургана № 2 погребения Пазырык (Руденко, 1953, с. 65) (рис. 1.-1). Трудно не заметить, что количество нанесенных татуировок прямо пропорционально возрасту погребенных: больше всего изображений нанесено на тело старика (рис. 1.-1), их несколько меньше на теле мужчины зрелого возраста (рис. 1.-3) и еще меньше — на теле юноши (рис. 1.-2). Данная корреляция очень красноречиво, на наш взгляд, указывает на то, что по мере взросления и изменения социального статуса индивида увеличивалось и количество изображений на его теле.

Не менее интересна локализация татуированных изображений на телах погребенных: у юноши они нанесены только в области плечевого сустава (рис. 1.-2), а у остальных — еще и на плечах, на предплечьях, на груди, на спине, на голенях и на ступнях (рис. 1.-1, 3). Такая взаимосвязь между локализацией изображений и возрастом погребенных, вероятно, показывает, что местом первой татуировки у мужчин была область плечевого сустава. В какой последовательности продолжалось дальнейшее нанесение изображений, в силу скучности источников базы установить в настоящее время не представляется возможным.

Совсем иная картина локализации татуированных изображений демонстрируется материалами женских мумий. Судя по ним, у женщин татуировкам подвергались только руки (рис. 1.-4–6), в то время как у мужчин, как отмечалось выше, кроме рук татуировки производились еще и на груди, спине, голенях и даже ступнях (рис. 1.-1–3).

Последовательность татуировок у пазырыкских женщин реконструировать еще сложнее, чем у мужчин, поскольку все три имеющиеся в нашем распоряжении мумии принадлежат женщинам зрелого возраста, 28–40 лет (Баркова, Панкова, 2006, с. 31–42; Савелов, Летягин, 2014, с. 116–137), что объективно затрудняет осуществление реконструкции. Усугубляет положение еще и тот факт, что мягкие ткани рук мумий из второго пазырыкского кургана и первого кургана Ак-Алаха-3 частично утрачены (рис. 1.-4, 6). Вместе с тем тот факт, что у женской мумии из пятого пазырыкского кургана, кожные покровы которой сохранились относительно хорошо, татуированные изображения

присутствуют только на кистях рук и предплечьях (рис. 1.-5), а у двух других, несмотря на существенные утраты кожного покрова рук, изображения прослеживаются как на кистях и предплечьях рук, так и на плечах и даже плечевом суставе (рис. 1.-4-б), позволяет предположить, что кисти рук являлись исходным местом татуировки у пазырыкских женщин. Последующее нанесение татуированных изображений распространялось, вероятно, в направлении плечевого сустава.

Таким образом, взаимосвязь локализации татуированных изображений, их количества и последовательности нанесения на тело индивида с его социальным статусом в пазырыкском обществе (пол, возраст и т.д.) представляется очевидной.

Выявив различия в расположении татуированных изображений животных на мумифицированных телах мужчин и женщин из захоронений пазырыкской археологической культуры, А.Н. Телегин и Н.Р. Дьяков исследовали эти изображения на предмет наличия взаимосвязи их с половой принадлежностью погребенных. В результате этих работ им было установлено, что изображения фантастических хищников (грифонов?), козлов, лошадей (кулана?), косуль и рыб хорошо коррелируют с останками мужчин, изображения оленей, лосей, реалистичных кошачьих хищников, креста и цветка — с останками женщин, а изображения баранов, фантастических копытных, хищных птиц (гриф?) и сцен терзания копытных хищными животными (реалистичными и фантастическими) — как с женскими, так и с мужскими останками (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Нами была предпринята реконструкция одного из татуированных изображений животных, нанесенного на тело женской мумии из кургана № 1 погребения Ак-Алаха-3, в результате которой мы интерпретировали его как художественный образ фантастического хищника (грифона?) с морфологическими признаками кошачьего хищника, хищной птицы и оленя (Бекетов, Телегин, 2024, с. 101–106) (рис. 2).

Полученный результат заставляет нас внести корректировки в выделенные А.Н. Телегиным и Н.Р. Дьяковым группы образов животных, а именно — изъять из группы «мужских» изображения фантастических хищников (грифонов?) и вместе с реконструированным изображением добавить их в группу «общие» (табл. 1) (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83).

Однако такая корректировка оправдана лишь с формальной точки зрения, и вот почему:

— в подавляющем большинстве случаев (шесть) они зафиксированы на мужских мумиях и только один раз — на женской из кургана № 1 погребения Ак-Алаха-3 (табл. 1);

— данное погребение заметно отличается от остальных двух женских захоронений нашей выборки (курганы № 2 и 5 Пазырыка) рядом других особенностей. Так, женщина из Ак-Алахи была погребена одна, в то время как две других женских мумии были обнаружены в парных захоронениях с мужчинами и, вероятно, лишь сопровождали их;

— само погребение ак-алахинской мумии было осуществлено в кургане, расположенным отчужденно от других курганных погребений и не связанном с ними планиграфически. По мнению автора раскопок Н.В. Полосьмак, такое местоположение кургана могло быть обусловлено особым социальным статусом погребенной (Полосьмак, 2001, с. 274–277);

— комплекс захоронения кургана Ак-Алаха-3, в отличие от других двух женских погребений, включает в себя, наряду с прочими, предметы военного назначения (сопроводительное погребение коней, конская сбруя, нож и т.п.) (Полосьмак, 2001, с. 274–277).

Рис. 2. Графическая реконструкция татуированного изображения на левой руке погребенной в одиночном кургане Ак-Алаха-3

Fig. 2. Graphic reconstruction of the tattooed image on the left arm of a woman buried in a single burial mound Ak-Alakha-3

Одиночный характер захоронения однозначно указывает на принадлежность этого богатого, в том числе воинского, инвентаря именно погребенной здесь женщине. Данное обстоятельство резко контрастирует с двумя другими женскими погребениями (курганы № 2 и 5 группы Пазырык), где не менее богатый сопроводительный инвентарь, вероятнее всего, принадлежит погребенным с ними мужчинам.

Н.В. Полосьмак, объясняя особенности захоронения кургана № 1 Ак-Алаха-3, высказала предположение о возможной принадлежности некоторых женщин пазырыкского общества к особой социальной группе женщин-воинов (Полосьмак, 2001, с. 274–277). Кроме этого, указывая на богатство Ак-Алахинского кургана (просторная погребальная камера, массивный погребальный сруб, редкие благовония, дорогие шелковые ткани и др.), она не исключила, вероятность принадлежности погребенной к среднему слою знати пазырыкского общества (Полосьмак, 2001, с. 278–289).

Если это так, то присутствие на теле погребенной в кургане № 1 захоронения Ак-Алаха-3 женщины татуированного изображения фантастического хищника (грифона?) можно вполне обоснованно рассматривать как атрибут воина (оберег/талисман) или

знак принадлежности усопшей к кругу пазырыкской знати, а вероятнее всего — в качестве того и другого.

Особый интерес вызывает изображение сцены терзания двух оленей двумя тиграми и барсом, татуированное на теле женской мумии из кургана № 5 Пазырыка (рис. 3). С искусствоведческой точки зрения эта композиция стилистически выбивается из всей выборки татуированных изображений по ряду признаков, как то:

- реалистичное изображение животных, а не стилизованное;
- изображение некоторых животных (барс) анфас, а не в профиль;
- визуальная замкнутость композиции в рамках условного прямоугольника, границы которого очерчиваются лапами, ногами и рогами изображаемых животных, а не хаотичное расположение образов, не объединенных в целостную композицию и взаимопроникающих в пространство друг друга.

Указанные различия, на наш взгляд, свидетельствуют о вероятной принадлежности этого изображения к иной татуированной традиции, отличной от традиции носителей пазырыкской археологической культуры. Это может быть отнесено и к татуированным изображениям на безымянном пальце левой руки, изображающим цветок и крест, не характерные для традиционной пазырыкской татуировки в частности и пазырыкского изобразительного искусства вообще.

*Рис. 3. Татуированное изображение с правой руки женской мумии из пятого пазырыкского кургана
(рисунок Л.Л. Барковой и С.В. Панковой)*

*Fig. 3. Tattooed image from the right hand of the woman's mummy of their fifth Pazyryk barrow mound
(Drawing by L.L. Barkova and S.V. Pankova)*

Корреляция татуированных образов звериного стиля с половой принадлежностью носителей пазырыкской археологической культуры,
в погребениях которых они обнаружены

Tab. 1
**The correlation of the tattooed images of the animal style of the Pažyrk archaeological culture with the gender characteristics of the buried of the
Pažyrk archaeological culture, in whose burials they were found**

Образ	Мужские образы		Женские образы		Общие образы					
	Погребение	(1. мужской)	Рыба	Олень	Баран	Птица (трип?)	Копающий хищник (лев, тигр, барс) (1. мужских 3 женских)	Фантастический олень (6 мужских 2 женских)	Сцена терзания травоядного хищником (1. мужской 1 женский)	Фантастический хищник (тигрон?) (6 мужских 1 женский)
Пазырык курган №2	1 образ	0 образов	6 образов	0 образов	0 образов	0 образов	5 образов	1 образ	5 образов	5 образов
Пазырык курган №5	0 образов	0 образов	7 образов	2 образа	1 образ	1 образ	0 образов	0 образов	0 образов	1 образ
Верх Кальджен-2 курган №3	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	1 образ	0 образов	0 образов

Окончание табл. 1

Образ	Мужские образы	Женские образы	Общие образы				Фантастический хищник (тигрин) (6 мужских 1 женский)
			Баран	Льва (тигрин)	Кошачий хищник (лев, тигр, барс) (2 мужских 3 женских)	Фантастический олень (6 мужских 2 женских)	
Погребение	Рыба (1 мужской)	Олень (4 женских)					
	Пазырык курган №2	0 образов		0 образов			
Кечине мыйми	Пазырык курган №5	0 образов					
	Ак-Алаха-3 курган №1	0 образов					

- образы не рекомендуются для рассмотрения

Не противоречат сказанному и некоторые особенности в погребальной обрядности пятого пазырыкского кургана, отличающей его от остальных курганов этой группы. К таковым следует отнести планиграфическую отчужденность пятого пазырыкского кургана от остальных курганов группы Пазырык, объединенных в единую цепочку (Руденко, 1953, с. 15; Марсадолов, 2019, с. 155–162), а также отсутствие у него аллеи из камней-балбалах к востоку от курганной насыпи (Марсадолов, 2019, с. 155–162).

Наименьший возраст сооружения пятого кургана, по сравнению с остальными курганами пазырыкской группы (Марсадолов, 1984, с. 90–98), возможно, является временным индикатором инокультурного влияния на местные традиции.

Таким образом, стилистические особенности татуированной сцены терзания из пятого пазырыкского кургана могут быть объяснены влиянием иной, отличной от пазырыкской, татуировочной традиции.

Таким образом, изображения животных в татуировке носителей пазырыкской археологической культуры могли не только указывать на принадлежность своих обладателей к определенной социальной группе (основанной не только на половой принадлежности, но и на роде занятий индивида), но и обозначать их этнокультурные особенности (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83). Во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не противоречат этому выводу.

Предметный комплекс украшений. Крайне низкая репрезентативность имеющихся в нашем распоряжении мумий (три женских и три мужских) заставляет рассматривать сделанные выше выводы о предназначении татуированных на их телах образов животных в пазырыкском обществе лишь в качестве предварительных.

Исходя из этого, авторы статьи расширили источниковую базу исследования за счет привлечения предметов из сопроводительного инвентаря погребений пазырыкской археологической культуры с помещенными на нем образами животных.

В первую очередь авторы задействовали изображения животных на элементах конской сбруи (псалии, седельные покрышки, налобники, подвески на седлах и т.п.) и одежду погребенных (украшения гривен, кожаные, войлочные и берестяные аппликации, нашивки, подвески и т.п.), сохранность и контекст расположения которых позволяет с высокой точностью определить видовую принадлежность помещенного на предмете изображения животного (олень, баран, фантастический хищник и т.д.), а также определить принадлежность предмета конкретному погребенному (мужчине или женщине) (Пазырык, Уландрыйк-I–IV, Ак-Алаха-1–3, Верх-Кальджин-1–2, Ташанта-I–II). Такой подход позволил нам расширить источниковую базу исследования до 396 образов животных (табл. 2, табл. 3).

Таким образом, осуществленное на новой, более широкой источниковой базе со-поставление художественных образов животных с половозрастной принадлежностью погребенных позволило откорректировать результаты, полученные на основе корреляции татуированных образов с половой и статусной принадлежностью носителей пазырыкской археологической культуры.

В результате проделанной работы было установлено, что подавляющее большинство (92,3%) образов животных — олень, хищной птицы (грифа?), реалистичных кошачьих хищников (львы, барсы, тигры), барана, фантастического копытного (фантастический олень) и сцены терзания копытного хищником (фантастическим/реалистич-

ным) встречаются в равной степени как в женских, так и в мужских захоронениях. Наряду с этим указанные образы примерно в равной степени встречаются в погребениях представителей различных слоев населения.

Оставшиеся 7,7% являются собой образы фантастических хищников (грифонов?) и рыб. Что касается первых, то они в относительно равной степени встречаются как в мужских (13 образов), так и в женских (11 образов) погребениях и на этом основании формально должны быть отнесены к группе «общих».

Однако при внимательном рассмотрении этих материалов бросается в глаза определенная связь изображений грифонов не столько с половозрастной принадлежностью погребенных, сколько с их особым социальным статусом. На это указывают, в частности, особенности погребальной обрядности женских захоронений, не только кургана № 1 к.п. Ак-Алаха-3 (Молодин и др., 2003, с. 29–45), как это было показано выше, но и кургана № 2 к.г. Ташанта-II (Кубарев, 1987, с. 197–202).

Отмечая указанные особенности подобных женских погребений пазырыкской археологической культуры на плато Укок (Кош-Агачский р-н, Республика Алтай), Н.В. Полосьмак высказала предположение о возможной принадлежности погребенных в них женщин к особой социальной группе женщин-воинов. В нее, по мнению исследователя, могли входить женщины моложе 35 лет, не занятые в хозяйственной деятельности ввиду их относительно высокого социального статуса (Полосьмак, 2001, с. 274–287).

Таким образом, изображения фантастических хищников (грифонов?) в предметном комплексе, как и в татуировке носителей пазырыкской археологической культуры, могли указывать на принадлежность своих обладателей к определенной социальной страте, вне зависимости от половой принадлежности индивида. В данном случае речь может идти о принадлежности к социальной прослойке «воинов» (Телегин, Дьяков, 2018, с. 80–83). Во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не противоречат этому выводу (табл. 3).

Образ рыбы, встречающийся только в мужских погребениях, как в виде татуированных изображений, так и в виде украшений предметного комплекса, возможно, обозначал определенный возрастной статус мужчин в пазырыкском обществе. Впрочем, этот сюжет вполне достоин стать предметом специального исследования.

Не исключено, что некоторые образы звериного стиля могли выполнять функции своеобразных оберегов-талисманов, служащих различным целям, как это предполагал П.П. Азбелев, который, указывая на вероятное соответствие содержания татуированных образов местам их нанесения (быстрые копытные животные на ногах для получения их скорости, животные с вывернутым крупом на руках, которыми делались жертвоприношения и т.п.), высказал предположение об использовании татуированных изображений в пазырыкском обществе или в роли оберегов и талисманов, или в качестве своеобразного способа передачи информации о своем владельце (Азбелев, 2017, с. 51–60).

Таблица 2
Образы звериного стиля в изобразительном искусстве пазырькской археологической культуры, в равной степени встречающиеся в мужских и женских погребениях

Tab. 2
**Images of the animal style in the visual art of the Pazyryk archeological culture,
equally found in male and female burials**

Погребение	Пол	Общие образы						Сцена гензания трапецидного хищником (5 образов: 4 – мужские 1 – женский)
		Олень	Птица (гриф?)	Хищник (лев/барс/тигр/волк)	Баран	Фантастический олень	ЖЕН.	
Пазырьк (курганы №2 и №5)	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
Уландрык-I (курганы №3, 7, 8, 12, 14)	5 образов	5 образов	6 образов	10 образов	3 образа	157 образов	2 образа	1 образ
Уландрык-II (курганы №2, 7, 9, 12)	1 образ	2 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Уландрык-III (курганы №1, 3, 4)	2 образа	3 образа	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов	0 образов
Уландрык-IV (курганы №2, 3)	5 образов	0 образов	6 образов	0 образов	1 образ	0 образов	0 образов	0 образов

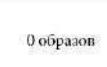
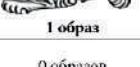
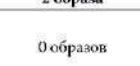
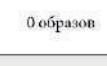
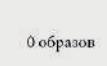
Окончание табл. 2

Погребение	Образ	Общие образы						Сцена терзания трапециевидного кипицником (5 образов:
		Олень	Птица (гриф?)	Хищник (лев/барс/тигр/волк)	Баран	Фанагийский оленев	ЖЕН.	
	Ташана-I (курган №1)	Олень (48 образов: 24 – МУРДЫШЕ 21 – АСЫНДЕКЕ)	(120 образов: 37 – МУРДЫШЕ 83 – АСЫНДЕКЕ)	(162 образа: 29 – МУРДЫШЕ 21 – МУРДЫШЕ 8 – АСЫНДЕКЕ)	{62 образа: 3 – МУРДЫШЕ 159 – АСЫНДЕКЕ}	Баран (8 образов: 5 – МУРДЫШЕ 3 – АСЫНДЕКЕ)	МУЖ.	Сцена терзания трапециевидного кипицником (5 образов: 4 – МУРДЫШЕ 1 – АСЫНДЕКЕ)
Пол	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
	Ташана-II (курган №2, 3, 4)	Олень (0 образов)	Птица (3 образа)	Хищник (4 образа)	Баран (0 образов)	Фанагийский оленев (0 образов)	МУЖ.	Сцена терзания трапециевидного кипицником (0 образов)
	Верх-Калыжин-1 (курган №1)	Олень (0 образов)	Птица (0 образов)	Хищник (21 образ)	Баран (0 образов)	Фанагийский оленев (0 образов)	ЖЕН.	Сцена терзания трапециевидного кипицником (0 образов)
	Верх-Калыжин-2 (курган №3)	Олень (3 образа)	Птица (1 образ)	Хищник (2 образа)	Баран (0 образов)	Фанагийский оленев (0 образов)	МУЖ.	Сцена терзания трапециевидного кипицником (0 образов)
	Ак-Алаха-1 (курган №1)	Олень (3 образа)	Птица (6 образов)	Хищник (2 образа)	Баран (0 образов)	Фанагийский оленев (0 образов)	ЖЕН.	Сцена терзания трапециевидного кипицником (1 образ)
	Ак-Алаха-3 (курган №1)	Олень (0 образов)	Птица (1 образ)	Хищник (41 образ)	Баран (0 образов)	Фанагийский оленев (1 образ)	МУЖ.	Сцена терзания трапециевидного кипицником (0 образов)

Таблица 3

Образы звериного стиля в изобразительном искусстве носителей пазырыкской археологической культуры, выполняющие роль маркеров статусной принадлежности индивида
 Tab. 3

Images of the animal stile in the visual art of the bearers of the Pazyryk archaeological culture, acting as markers of an individual status

Образы - статусные маркеры					
Погребение	Образ	Фантастический хищник (трифон?)		Рыба	
		МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
Погребения носителей пазырыкской культуры	Пазырык (курганы №2 и №5)		6 образов		0 образов
	Уландрый-І (курганы №3, 7, 8, 12, 14)		2 образа		0 образов
	Уландрый-ІІ (курганы №2, 7, 9, 12)		2 образа		0 образов
	Уландрый-ІІІ (курганы №1, 3, 4)		0 образов		0 образов
	Уландрый-ІV (курганы №2, 3)		1 образ		0 образов
	Верх-Кальджин-І (курган №1)		0 образов		0 образов
	Верх-Кальджин-ІІ (курган №3)		2 образа		0 образов
	Ак-Алаха-І (курган №1)		0 образов		1 образ
	Ташанта-І (курган №1)		0 образов		0 образов
Погребения пазырыкских женин с особым социальным статусом	Ак-Алаха-З (курган №1)		0 образов		8 образов
	Ташанта-ІІ (курганы №2, 3, 4)		0 образов		3 образа

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Наличие у взрослых женщин татуированных изображений только на коже рук, а у мужчин кроме рук — еще и на коже груди, спины, голеней и стоп, можно рассматривать в качестве своеобразного маркера половой принадлежности носителей пазырыкской археологической культуры.

2. Можно с большой долей уверенности утверждать, что исходным местом татуировки у мужчин являлся плечевой сустав, а у женщин — кисть руки, по мере взросления индивида и изменения его социального статуса росло и количество нанесенных на его тело татуированных изображений, что, несомненно, маркировало специальный статус носителей пазырыкской культуры.

3. Изображения фантастических хищников (грифонов?) в предметном комплексе и татуировке носителей пазырыкской археологической культуры могли являться маркерами, указывающими на принадлежность своих обладателей к определенной социальной страте, вне зависимости от половой принадлежности индивида.

4. Стилистические особенности татуированной сцены терзания из пятого пазырыкского кургана могут маркировать иную, отличную от пазырыкской, татуировочную традицию.

5. Образы рыб, возможно, маркировали возрастной статус мужчин в пазырыкском обществе.

Несмотря на выявленные закономерности использования образов звериного стиля в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры, все еще остается открытым вопрос о семантике самих художественных образов. Так, например, не ясно, почему принадлежность к социальной группе воинов обозначалась именно образом фантастического хищника (грифона?). Вероятно, ответ на данный вопрос кроется в мировоззренческих или религиозных представлениях носителей данной культуры.

Можно с большой долей уверенности присоединиться к предположению П.П. Азбелева, который, указывая на вероятное соответствие содержания татуированных образов животных местам их нанесения на тела погребенных, предположил, что они могли использоваться в пазырыкском обществе либо в качестве оберегов и талисманов, либо в качестве своеобразного способа передачи информации о своем владельце (Азбелев, 2017, с. 51–60).

Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании некоторых особенностей использования образов звериного стиля в изобразительном искусстве пазырыкской археологической культуры, связанных с половозрастной принадлежностью их носителей. Кроме этого, авторы пришли к выводу, что различные изображения животных с большой долей вероятности могли играть роль статусных символов в пазырыкском обществе, а также составлять целые статусные образы носителей пазырыкской археологической культуры. Пока мы не можем объяснить, с чем именно связаны различия в использовании тех или иных художественных образов как статусных символов в соответствии с их содержанием и семантикой. Данный вопрос вполне может стать предметом дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Азбелев П.П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2017. С. 51–60.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 48–59.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестник истории, литературы, искусства. 2006. Т. III. С. 31–42.

Бекетов А.В., Телегин А.Н. Реконструкция татуированного изображения на мумифицированном теле из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2024. С. 101–106.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрьика. Новосибирск : Наука, 1987. 304 с.

Лбова Л.В., Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С. Орнаментальные композиции татуировок у народов Северной пакифики (принципы классификации) // Camera praehistorica. 2022. № 1. С. 108–117.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник. Вып. 25: Материалы и исследования по археологии СССР. Контакты и взаимодействие культур Евразии. Л. : Искусство, 1984. С. 90–98.

Марсадолов Л.С. Восточные балбалы и западные поминальники как важные составные части организации сакрального пространства в Пазырыке на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 155–162.

Марсадолов Л.С. «Зодиакальная» татуировка вождя-жреца из кургана Пазырык-2 на Алтае // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 265–273.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. [и др.] Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. 286 с. (Интеграционные проекты СО РАН; вып. 1).

Полосьмак Н.В. Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 95–102.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. Середина I тысячелетия до н.э. М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 68 с.

Савелов А.А., Летягин А.Ю. Жизнь и смерть «Алтайской принцессы» // Наука из первых рук. 2014. № 3/4. С. 116–137.

Телегин А.Н., Дьяков Н.Р. К вопросу о гендерных сходствах и различиях в татуировках nomadov Алтая сакского времени // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). Вып. 13. Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 2018. С. 80–83.

REFERENCES

Azbelev P.P. Pazyryk Tattoos as Artistic Evidence of Ancient Wars and Marriages. In: Actual Problems of Theory and History of Art. Issue 7. St. Petersburg : Izd-vo Sankt-peterburgskogo gos. un-ta, 2017. Pp. 51–60. (*In Russ.*)

Barkova L.L., Pankova S.V. Tattoos on Mummies from the Large Pazyryk Mounds (new materials). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2005;2:48–59. (*In Russ.*)

Barkova L.L., Pankova S.V. Tattoos on the Mummies from the Pazyryk Mounds in Infrared Rays. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva = Bulletin of History, Literature, Art.* 2006; III:31–42. (*In Russ.*)

Beketov A.V., Telegin A.N. Reconstruction of a Tattooed Image on a Mummified Body from Burial Mound No. 1 of the Ak-Alakha-3 Burial Ground. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXX. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2024. Pp. 101–106. (*In Russ.*)

Gryaznov M.P. The First Pazyryk Kurgan. Leningrad : Gos. Ermitazh, 1950. 92 p. (*In Russ.*)
Kubarev V.D. The Mounds of Ulandryk. Novosibirsk : Nauka, 1987. 304 p. (*In Russ.*)

Ibova L.V., Ponkratova I.Yu., Lebedeva L.S. Ornamental Tattoo Compositions among the Peoples of the Northern Pacific (principles of classification). *Camera praehistorica*. 2022;1:108–117. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. On the Sequence of Construction of Five Large Mounds in Pazyryk in Altai. In: Archaeological Collection. Issue 25: Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Contacts and Interaction of Eurasian Cultures. Leningrad : Iskusstvo, 1984. Pp. 90–98. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. Eastern Balbals and Western Commemorations as Important Components of the Organization of the Sacred Space in Pazyryk in Altai. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXV. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. Pp. 155–163. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. The “Zodiac” Tattoo of the Priest-Leader from the Pazyryk-2 Mound in Altai. In: Archaeology of North and Central Asia: New Discoveries and Results of Interdisciplinary Research. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. Pp. 265–273. (*In Russ.*)

Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A. [et al.] The Population of Gorny Altai in the Early Iron Age as an Ethnocultural Phenomenon: Origin, Genesis, Historical Destinies (according to archaeology, anthropology, genetics). Novosibirsk : Izd-vo Sibirskogo Otdeleniya

Rossijskoj Akademii Nauk, 2003. 286 p. (Integration projects of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; issue 1) (*In Russ.*)

Polosmak N.V. Tattooing among the Pazyryk People. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2000;4:95–102. (*In Russ.*)

Polosmak N.V. The Horsemen of Ukok. Novosibirsk : INFOLIO-press, 2001. 336 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. Gornoaltai Finds and Scythians. Moscow; Leningrad : Izd-vo Academii nauk USSR, 1952. 268 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian period. Moscow : Izd-vo Academii nauk USSR, 1953. 402 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Period. Moscow : Izd-vo Academii nauk USSR, 1960. 360 p. (*In Russ.*)

Rudenko S.I. The Art of Altai and the Near East. The Middle of the First Millennium BC. Moscow : Izd-vo vostochnoj literatury, 1961. 68 p. (*In Russ.*)

Savelov A.A., Letyagin A.Yu. The Life and Death of the “Altai Princess”. *Nauka iz pervykh ruk = Science at First Hand*. 2014; 3/4:116–137. (*In Russ.*)

Telegin A.N., Dyakov N.R. On the Issue of Gender Similarities and Differences in Tattoos of Altai Nomads of the Saka Period. In: Field Research in Altai, Irtysh Region and Upper Ob Region (Archaeology, Ethnography, Oral history). Issue 13. Gorno-Altaisk : Izd-vo Gorno-Altaoskogo gos. un-ta, 2018. Pp. 80–83. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Телегин А.Н.: идея публикации, описание и анализ материалов, обсуждение результатов, научное редактирование рукописи.

A.N. Telegin: the idea of publication, discussion of the results, scientific editing of the manuscript.

Бекетов А.В.: описание и анализ материалов, формирование основного текста, подготовка иллюстраций, редактирование рукописи.

A.V. Beketov: description and analysis of materials, formation of the main text, preparation of illustrations, editing of the manuscript.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Телегин Андрей Николаевич, старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, ведущий специалист по учебно-методической работе Учебно-научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение», Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

Andrey N. Telegin, Senior lecturer at the Department of National History of the Institute of History, Social Communications and Law of the Altai State Pedagogical University, a leading

specialist in educational and methodological work at the History Research Laboratory “Historical Local Lore”, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Бекетов Александр Васильевич, лаборант Музея истории образования им. П.П. Ко-
стенкова Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия.

Beketov A. Vasilyevich, laboratory assistant at the P.P. Kostenkov Museum of the History
of Education of the Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2025;
одобрена после рецензирования 08.11.2025;*

принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 10.07.2025;

approved after reviewing 08.11.2025;

accepted for publication 24.11.2025.